

A vibrant, painterly landscape featuring a church with golden domes on a cliffside overlooking a blue lake and snow-capped mountains. The scene is bathed in bright sunlight, with a clear blue sky and scattered white clouds. The church has a tall, ornate tower with a golden dome and a smaller, similar structure nearby. The foreground is filled with lush greenery and some autumnal foliage. The overall style is reminiscent of Impressionist or Post-Impressionist painting.

Вячеслав Нескоромных

Русский. Писарро

Вячеслав Нескоромных
Русский.Писарро

«Автор»

2026

Нескоромных В. В.

Русский.Писарро / В. В. Нескоромных — «Автор», 2026

Повесть «Русский. Писарро» посвящена русскому человеку, представителю русского Севера, оставившего след на далёком от его родины американском континенте. Это Александр Андреевич Баранов, без малого тридцать лет служившего в качестве Правителя Русской Америки при исполнении обязанностей администратора Русско-Американской компании, поста грозного воителя и талантливое строителя-созидателя, усилиями которого и ныне далёкая земля, её население помнят «русский дух», православную веру и речь, открывших на этих берегах новую историю Аляски. Немного было в истории таких примеров ответственного служения Отечеству, а потому данная повесть, написанная, как приключенческая, важна для сохранения памяти о сыне России Александре Баранове.

© Нескоромных В. В., 2026

© Автор, 2026

Вячеслав Нескоромных

Русский.Писарро

РУССКИЙ. ПИСАРРО

ПРОЛОГ

История географических открытий, освоения новых земель европейцами, насыщена яростной борьбой, циничным обманом, невероятной нечеловеческой жестокостью с обилием пролитой крови, насаждением своих богов и обычаев, диктатом, рабством и геноцидом. Существенно более редки примеры стремления к созиданию с милосердием к людям, живущим на открываемых островах и континентах, возможно и отставших в уровне средств войны и производства, но духовно развитых, верующих в высшие силы, настроенных на сотрудничество и дружбу.

Александр Баранов, – сын Русского Севера, исконной глубинки русского духа и православия, явил миру и твердость характера при освоении новых рубежей Отечества, и желание и способность созидать и развивать территории, озаботившись нуждами аборигенов, принимая их, как граждан огромной страны с вековыми традициями межнационального общения – России.

Баранов называл себя Русским Писарро, увлечённый яркими подвигами испанского конкистадора Франсиско Писарро, уничтожившего высокоразвитое государство инков и ограбивший со своими поделниками народ с великой историей и традициями, имевших и высокую культуру, и религию, свои идеалы и начертанный поколениями путь к ним.

Не обошлось без насилия и над народами Русской Америки, чаще в первые годы экспансии, но всегда в ответ на агрессию в угоду местных вождей, теряющих свое влияние, подстрекаемые колонистами из Европы. И теперь, после двух столетий, вместивших страшные войны, глобальный прогресс технологий, модернизации культуры, на территории Аляски помнят русских. Сохранилась, ни смотря, ни на что, православная вера, и высятся храмы, слышатся порой русские фамилии и имена православных священников и прихожан под звон колоколов творящих молитву на русском. Окрестности западных побережий Аляски полны, такими понятными русскому слуху, названиями островов и заливов, проливов, рек и озёр, горных вершин.

Поэтому перед тем как начинать повествование акцент в теме ставится так: Русский. Писарро. В этом и общность и межа, – кардинальные различия в философии освоения географических пространств:

- овладеть – отстроить-приобщить – интегрировать-развивать;
- завоевать – разрушить-умертвить – ограбить-поработить.

Как это удавалось Баранову – основному конструктору Русской Америки? Ответ на этот вопрос неочевиден, ибо любое вторжение болезненно. Но, что осталось на этой далёкой от всех центров земле теперь, когда прошло более полутора столетий, как русские официально покинули далёкий континент? Осталась ли память о них, тех первых упрямец, что торили путь на восток, заметны ли добрые последствия долгих, часто героических усилий российских землепроходцев?

ФРАНСИСКО – ПУТЬ ЖЕСТОКОГО АВАНТЮРИСТА

Солнце палило с утра, разогрев каменистый, без зелени склон, на котором торчали выжженные стебли и кусты, а пара ящериц притаилась за выступом скалы, греясь и настороженно наблюдая за потасовкой двух мальчишек. Один из них был им знаком – проводил здесь

у чахлой рощи день за днем со своими свиньями, которых выгонял на выпас, и сам во многом походил на своих подопечных – грязный, неухоженный и вечно голодный, а второй был явно другого круга человеческого племени – разодет заботливо, чистенький и сыто-надменный.

Франсиско вlepил в пухлую рожицу мальчишки жёстким кулачком в отместку за оскорбление и долго возил лицом по земле, вопя, что убьёт, если тот посмеет снова обзывать его.

– El Ropero! – «сын кастелянши» – орал в отчаянии пацан после взбучки, сердито топал ногой в бессилии, не способный противостоять злomu и ловкому свинопасу, которого встретил в окрестностях городка на лугах у реки среди хрюкающих в поисках желудей подопечных.

– Ты, кто? Ты ничтожество! Незаконнорожденный недоносок прачки! – продолжал вопить, размазывая слёзы на грязном, испачканном кровью и песком, лице, пацан и шмыгал разбитым носом.

Побитый мальчишка брел вниз по улице, ревел, потом долго всхлипывал, шмыгал разбитым носом, задыхаясь от обиды, но поглядывал назад украдкой, готовый припустить во весь дух, если свинопас ринется за ним вдогонку.

Жил Франсиско с мамой в доме бабушки в городке Трухильо на юго-западе Испанского королевства: выживали, как могли. Здесь на гранитной горе-батолите, Франсиско постигал азы выживания и испытывал горечь и спазмы унижения ибо был всего-то сыном безродной служанки из монастыря Фрейлас, родившей во внебрачии от заезжего идалго.

Скудная земля, палящее нещадное солнце, постоянно пустой, урчащий, как недовольный упрятанный в будку пёс, желудок, – вот оно бытие, которое формирует сознание: хочешь иметь – отними и не будь снисходителен к тому, кто также, как и ты нуждается в самом насущном.

Пройдут годы и в Перу, на другом обширном континенте, появится еще один Трухильо, – город Вечной весны, основанный завоевателем Франсиско и поименованный в честь родного городка в Испании.

Теперь в испанском Трухильо музей бывшего свинопаса, а в Трухильо, основанного покорителем Перу, было объявлено о независимости от Испании. Вот так устроено мироздание – на всякий плюс, непременно будет свой минус, а знаки эти, множась, громоздят величие героя, имя которого рождается в противоречиях.

Заезжим идалго, от которого пошёл новый корень фамилии Писарро, был Гонсало, – высокомерный господин из знатного рода дона Эрнандо. Это мало помогло Франсиско в жизни материально, не сделало его добрым малым, но выковало, закалило его презрением и недоверием к людям, сохранило на всю жизнь обиду на этот жестокий мир и так рано выучило не верить словам. Если же что-то и приходилось обещать тем, кто зависим от тебя, то изначально (пошло на ум) сознавать ничтожную цену сказанному, словно берёшь задаток, который возвращать и не собирался.

Отец по прозвищу Римлянин был армейским служакой и держал в кулаке воинов терции в Италии. Сына Гонсало не признавал и не переносил даже упоминания о нём, полагая, что мимолетная связь со служанкой, – это не повод считать себя обязанным, чем либо, матери новорожденного: от него ли? И читался негласно упрёк к тем, кто пытался заявить о своём кровном родстве:

«Сколько таких неприкаянных раскидано в городах и селениях, где довелось идалго тешить своё сладострастие, которым он также ничем не обязан».

Как-то Франсиско, прознал о том, что отец прибыл в Испанию и посетил Трухильо, и попытался с ним встретиться. Подросток стоял в долгом ожидании у ворот особняка на вершине горы, укрывшись среди цветущей ореховой рощи, а, дождаввшись отца, попытался с ним заговорить.

– Ты кто, оборванец? – был ответ, полный презрения.

Франсиско, потрясенный оскорблением, смотрел с такой ненавистью на отца, что тот нервно деланно рассмеялся ему в глаза, а, не выдержав прямого вызывающего взгляда парнишки, грязно выругался и замахнулся на сына, предлагая убраться с дороги немедленно.

Франсиско не стал продолжать диалог, спешно отошел в сторонку, а когда на следующий день отец следовал верхом из поместья, запустил в него умело камнем из пращи, укрывшись на вершине скалы у лесной тропы. Камень угодил в круп лошади и удар был настолько болезненным, что конь помчался с диким ржанием и даже такой опытный наездник, как Гонсало, не смог укротить лошадиный бунт. Инцидент закончился плачевно: конь не удержался на скалистой тропе, споткнулся о валун и упал, придавив и травмировав идадьго.

Франсиско злорадствовал, наблюдая, как увели под руки травмированного отца. Об этом паренёк никому не рассказывал, но часто вспоминал, делая вывод, что так следует поступать со всяким, кто к нему не проявляет должного почтения.

«Сила, натиск и обман, только они дают преимущество в схватке, и решают всё, если зародился замысел захвата, овладения и ограбления», – так сложились незамысловатые пазлы жизненной программы будущего завоевателя земель и покорителя народа.

Мама работала не покладая рук, чтобы прокормить себя и сына. Франсиско рано усвоил правила выживания в нищете и когда его руки стали сильными, взгляд на собеседника твёрд, характер окреп, он отправился на службу по призыву губернатора Гаити: требовались провести колонизацию острова силами молодых дерзких головорезов.

Именно здесь в Сан-Доминго и оформился окончательно характер циника и вероломного захватчика чужих смыслов, ценностей и надежд агрессора Франсиско Писарро.

Усвоив азы насилия и основы воинской выучки, молодой дерзкий конкистадор Писарро отправился в Южную Америку, – континент, наполненный сокровищами и доверчивыми, слабо защищенными аборигенами, не познавшими яростной энергии пороха, крепости боевой и защитной стали и преимуществ конного воина. Южная Америка, представлялась особой тучной на источники богатства и влекла авантюристов из Европы огромными возможностями отнимать безнаказанно чужое, сделать её народы покорной служанкой-рабыней. Миссия эта, как новый крестовый поход, освещена была церковью и, вновь насилие и смерть правили миром долгие столетия под католические псалмы преступников в чёрных, как ночь, рясах, с могильными крестами в руках.

КАРГОПОЛЬ

Жгучий ветерок с севера трепал ворот тулупа и обжигал лицо. Возок покачивало на неровностях зимней дороги, а горизонт ровный в перспективе с зубчиками далёкого лесного урочища и обширного заснеженного поля, на котором ещё не растаяли, не проявились русла многочисленных речушек и озерков, заболоченных полян, казался недвижим, как декорация космического размаха. Впечатление множила ранняя пора, при которой солнце опроставшись за ночь еще не вышло, а луна висела полупрозрачным диском, окруженная блеклыми крупными звёздами.

Земля, все урочища необъятного северного края, ещё спали укрытые снегом и льдом после долгой зимы, но признаки пробуждения становились всё отчетливее, всё смелее. Снег, уже более плотный слежалый, не был таким свежим, злым, колючим, как в новогоднюю позёмку. На обрывах земного полотна – оврагах, крутых берегах реки или озера, с южной стороны уже проглядывала земля, словно кто-то укрытый зимним покровом, зевнул спросонья тёмным, полным тайны нутром. Ручьи, пока несмелые, поверх льда, уже набирали силы, разгоняясь к середине дня, пробуя голос, и замирали, едва чурча к вечеру, словно в испуге, когда солнце пряталось за край вершин лесных угодий. Воздух, – оттаял от заморозки, стал гуще, и дышалось таким его настоем с наслаждением, глядя, прикрыв глаза, на набирающее день

ото дня яркость, светило. «Скоро, скоро оковы зимние падут», – думалось в такой момент, и уже мечталось о зелени трав, деревьев, запахах нагретой и политой дождями земле, о легких одеждах и теплых вечерах на веранде с чаем и свежесваренным из ягод с куста вареньем, на самом закате уходящего в прошлое дня.

С утра морозило. Александр Баранов прикрыл глаза и в тепле овчины, удобно вытянув ноги, размышлял об оставленных дома хлопотах и событиях последних дней. Думал Баранов о планах, пока не завершённых делах, о встречах по своему купеческому промыслу, намечаемому расширению торговых домов. Вспомнилась, как уходил он нынче ранним утром из отчего дома: пахло свежеспеченными хлебами и мама, простоволосая, с раннего утра не прибранная, но с рушником и духовитой ковригой, предлагала взять в дорогу хлебца домашнего.

Стало светло на душе от такой заботы. Знал Баранов матушкину сердобольность: каравай взял и долго его держал с утра рядом, завернутый в расшитое полотенце и долго ещё ощущал боком жжение горячей ковриги, ядрёное тепло домашнего очага. Вспомнив теперь маму, глаза её из-под платка, когда вышла на крыльцо проводить сына, Баранов улыбнулся, сунул лицо под шубу, с удовольствием уловил аромат свежеспеченного мамиными руками хлеба. Не удержался от хлебного приятного духа, отщипнул кусочек от ковриги и взялся жевать теплый еще хлеб с ломкой корочкой. Прожевывая вкуснейший хлеб, Александр вспомнил детство, когда слаще не было отломить украдкой горячую корочку от свежеспеченного караваива и съесть, таясь. Мама качала головой, грозила пальцем, глядя на «порченный» праздничный каравай, укрытый до поры рушником. Теперь таиться не надо, теперь он взрослый и многое ему доступно, но пришло понимание, что хлеб сей, не только еда, а еще и мамина забота, и защита, надежда от напастей, которых нет числа на пути свершений.

Финансовое состояние купца Баранова позволяло увеличить оборот закупаемого товара у промысловиков и наконец-то выбраться на уровень крупного дела, отстроить добротный двор со складами и лавками в Петрозаводске и подумать о развитии дела и в Петербурге. Об этом заботился Александр Андреевич, и было азартно проверить задуманное, утереть нос некоторым недоброжелателям своим.

В воздухе – необычайно стылом поутру, густом от тумана, разносился запах конского пота, и едва уловимый дух кожаной сбруи. Привычно тренькал бубенец под дугой лохматого трудяги-мерина, позвякивала упряжь, слышались гулкие удары копыт о плотный снег поверх ледяной дороги. Кони, укрытые попонами, были в инее: гривы, шерсть, ноги и кончики ушей серебрились, пушились, на просвет сияли кристаллами льда. Пофыркивая, лошади размеренно стучали о снежный накат зимней дороги копытами, обутыми накануне в кузне у Шароварова – знатного кузнеца в Каргополе.

Шароваров был колоритен: бородач, крепыш и балагур. Грудь бугрилась натренированными мышцами под ситцем рубахи, мощная шея уверенно держала, казалось, невеликую голову в кудряшках русых волос. Из кузни выходил на морозец в рубахе кузнец и, могло показаться, что лютый холод тушует, плавится, соприкасаясь с его большим пышущим жаром и здоровьем телом. Снежинки озорно кружились вокруг широких плеч богатыря, садились и исчезали, едва коснувшись, выдав бесчисленные микроны влаги на рубаху, делая её скоро влажной, облегающей могучие покатые плечи, грудь и слегка выпирающий живот. Снежинки опускались и на кудри, и ресницы молодца, и продолжали еще жить несколько мгновений, раскрашивая напоследок и без того живописную фигуру крепыша. Озорно оглядывая очередного клиента, Шароваров обычно шёл поговорить и с лошадьёю: приобняв за косматую шею, принимал к животному и что-то шептал личное, а похлопав по загривку и погладив конягу, успокаивая, сразу устанавливал с ним доверительные отношения. И только после разговора с животинкой брался смотреть ноги, избитые о дорогу копыта северного трудяги. Оценив состояние копыт, как плачевное, тут же, качал головой и начинал выговаривать мужику о том, что скотина тут не лошадь, а её нерадивый хозяин, ибо негоже так вот лошадку гонять без ограничений

по ледяной или каменистой дороге без обуви доброй. Мужики не обижались, – привыкли, лыбились смиренно, глуповато и почитали за честь получить нагоняй от кузнеца. Уважали, ценили, и что таиться, – побаивались суда мастера, что мог и телегу починить и ведро залатать, самовар отладить и так сковать цветок – лютик дивный, что не отличишь от живого, особенно, когда с пылу-жару горел огнём железный бутон.

По этому поводу шутили:

–

Иваныч, а блоху подковать сможешь?

–

Блоху не возьмусь, а вот козу запросто, – смеялся, балагурия Шароваров, и сам, развеселившись, склонялся телом в смехе и хлопал огромными натруженными ладонями по коленкам, словно пытался взлететь.

А вскоре пропал козёл у Касьянихи. Та всё обошла – и овраги, и заросли вдоль реки, и перелески – нет живности. Решила было: задрали скотинку то ли псы, вечно голодные, то ли какие пришлые, – народец безбожный, что шлындает в округе, без стыда и совести, без веры в душе.

Но ошиблась: вернулся козлик и так игриво «цоки-цок» выдал коваными копытцами по двору, усланному тёсом, словно солдат на плацу. Пригляделась, а у козла подковы миниатюрные новенькие на все четыре ноги.

Шароваров потом рассказывал:

– Чу, – слышу, кто-то у кузни шастает, топочет и скребёт чего-то. Выглянул – козлиная с бородой жуёт мою рубаху, что давеча повесил сушиться. Жуёт, мордой дёргает, корчит. Я взялся у него забирать – добрая такая косоворотка, а тот ни в какую, – жуёт, глазища пучит и что-то речёт, как будто недовольный. Я рубаху вырвал, – порвал всю поперёк, так он головёнку свою опустил и ну, на меня с рогами, и давай долбить. Поймал тогда я чёрта за рога, а он ни в какую, – никак не угомонится: пришлось опрокинуть, уронить и стреножить мерзавца. А потом подумал, глядучи на повязанного паршивца, и решил подковать ради забавы и в отместку за испорченную рубаху.

Баранов усмехнулся, вспомнив тот курьёз, и как Касьяниха костерила поначалу Шароварова, а потом гордая ходила, что только у неё есть подкованный козёл, – единственный на весь Каргополь. А разошедшись, порой, хвасталась:

– А может и на всю Рассею один такой! – и пучила глаза, словно подковали не козла, а саму Касьяниху.

Баранов вспомнил свой приезд в кузню накануне поездки и, припоминая разговор с Шароваровым, улыбнулся, – все ж таки заметный и занятный он мужик и бабы его сильно любят.

Сказывали, что молодайки, которые только в бабью пору начинали входить, мечтали попасть в крепкие объятия кузнеца, – такой от него мужицкий здоровый дух исходил. И на Купалу рядились, свеколкой щеки красили, подкатывали без стеснений, упаковав объёмные свои телеса в тесные кофтейки, в коих груди не умещались и норовили, порвав «оковы» ринуться на свет божий. А кузнец, и вовсе не против был потискать бабье племя: память-рас-тревожить добротные мягкости бабьи. И порой уже в темноте можно было видеть очередную молодуху, раскрасневшуюся и толком не прибранную, на дороге от кузни в пригород.

Устроившись уютно в санках, вспомнил Баранов рассказ своего ездового Демьяна:

– Еду как-то ввечеру, а навстречу деваха бежит, чуть ли не босая, рубаха до пупа разорвана. Бежит, рыдает, трясет грудями, раскраснелась, испуганная. Видать под кузнеца угодила – бежала от кузни. Они все бегают к нему и думают – забава, а тот видать и подмял дуреху, словно молотом по наковальне отработал с добром. А та, с перепугу, с непривычки взялась от него убежать. И смех, и дело грешное, но людское!

Обоз купца Александра Баранова шёл в направлении Петрозаводска с мороженой рыбой и остатками пушнины. Грядущая весна не располагала к торговле мягкой рухлядью, а вот рыбу брали охотно: хороша, сытна северная рыбка – сиг, лосось да нельма, а ещё щука в достатке да корюшка на любителя в довесок.

Озеро Лача раскинулось вширь и глубину, и дорога по верному зимнику была скорая. Шла, петляла натоптанная твердь ледяная через озеро по крепкому льду и вела обозы северян-промысловиков с побережья и глубинки в места, обжитые с рынками по выходным дням да праздникам. Весной же быстро ехать, не выходило: часто лёд ветшал и лопался, и вода растекалась и накрывала полотно дороги. Тогда могли быть серьёзные задержки да маята. Поэтому ехали, уже осторожно вглядываясь вдаль и ожидая сложностей на дороге: где лёд просел, и вода выступила, а где трещина открылась и ширилась.

Когда уже подходили к противоположному берегу, навстречу показался встречный обоз из трех санок, а поравнявшись с головными санями, пробираясь осторожно по рыхлому снегу обочины дороги, распознал Баранов в мужике, что сидел в полудреме за кучером самого Мишку Маркова – своего давнего недруга. Мишка дремал, уронив голову, но кучер, как углядел санки и Баранова в них, позвал хозяина и саданул его локтем, а сам взялся пялиться на проезжавшие мимо сани. Марков, разбуженный кучером, встрепенулся, выпростал из тулупа голову, словно тетерев во время гона, стал ею вертеть, вытянув шею, а разглядев своего соперника, долгим взглядом вперился в него, смотрел долго вслед так, что почувствовал адов огонь этого взгляда Баранов, казалось и под тулупом. Тут же загорелись щеки и запыхали уши и захотелось настучать кулаком по этой настырной и неприятной роже своего извечного недруга.

– «Вот ведь, леший, не ждал, не ведал, что встречу Мишку, – дурная примета!» – подумал Баранов, понимая, что приметил его Марков и теперь тоже сидит и чертыхается.

Так вот непросто сложились отношения у молодых каргопольских купцов, что вечно они были в противостоянии. Началось всё с детства ещё: росли на соседних улицах мальчишками и в затеях пацанских частенько сталкивались. Если в лапту играть, то только в разных командах, в казаки-разбойники то и вовсе не только в противниках были, но в игре всё норовили друг дружку зашибить покрепче, по голове огреть да в коленку садануть.

А когда повзрослее стали, голоса загрубели, начали жениться, тут и вовсе пошла вражда, дело и до драк доходило. Если на масленицу сходились на площади парни в схватке при взятии снежного города, – то непременно Мишка и Сашка были в разных командах и сходились в кучу и рубку не шутя. Каждый норовил подстеречь противника и как следует его приложить, извалить в снегу, вlepить затрещину и напихать снегу за пазуху, а то и так «приголубить», чтобы запомнил надолго и был обсмеян зеваками. А уж если кто одолевал в генеральной битве, то настроения было на всю масличную неделю – ходил гордый с заломленной на затылок шапкой и победно в глаза сопернику ухмылялся при встрече.

На масленицу как-то припозднился Баранов и когда явился, то увидел, что Мишка уже отметился: добыл приз с крестовины столба – яловые сапоги отличного пошива. Мишка ликовал, а когда завидел Баранова, взялся громко хвастаться. Что тут скажешь, – умел Мишка ловко лазать по гладкому столбу, прилипал, словно клееный. Баранов не стерпел, скинул тёплый зипун, рубаху, сапоги и полез, зло про себя чертыхаясь. Когда уже почти добрался в горячке до крестовины, увидел, как Мишка кинулся за ним вдогонку под крики зрителей и скоро уже догнал, ухватил за штаны и потянул вниз. Баранов вцепился в столб, сплетя ноги, и потянулся к мешку с призом, но Марков дёрнул за штаны и те не сдружились, порвались. Внизу народ захохотал от смеха. Особо девчата, с усмешкой поглядывали, посмеиваясь в платочки. Баранов изловчился и, оценив всю вероломность Мишки, как недопустимую, пихнул его второй ногой в голову, и так едва держась за столб, они свалились вместе под хохот собравшегося плотной толпой народа. Баранов вскочил и хотел уже врезать Мишке, как, по заведённому обычаю, обоих

добытчиков потащили мужики в сугроб и изваляли под развесёлые крики толпы, утихомирив забияк. Долго ещё носил обиду Баранов после той стычки с Мишкой, но скоро забылось и это.

Так вот вышло, что запали оба парня на Матрёну, дочку купца местного Поликарпа Урываева. Красива была Матрёна, да несколько ветрена. Настолько ветрена, что кружила голову обоим парням, давая надежду каждому, что сшибались порой за деревней, хватались за грудки, рвали рубахи, в ярости решая, кто более достоин быть рядом с ней на гулянии. А Матрёна всё посмеивалась, наблюдая нешуточное молодецкое состязание, и не давала ни одному, ни другому предпочтения. Гордилась девка таким вот противостоянием первых женихов городка. Так тянулось пару годков и стало даже привычным соперничество, но взрослели молодцы, и набирала крепости вражда, набирала зрелости и молодуха.

На Ивана-Купалу, славянский Солнцекрес пришлось Александру задержаться на рыбном промысле на побережье, а когда вернулся в город, то сразу дружок его, Ванька Неустроев, доложил, примчавшись во двор к Барановым запыхавшись, что спуталась окончательно Матрёна с Мишкой.

– Чё мелешь, дружок ты мой, душевный! – сгреб Ванька, и встряхнул Баранов, так, что у того голова дернулась, как у куклы.

– Многие видели, вот крест, как на праздник обжимались да голубились, – забожился дружок, начертав рукой крест, и тут же зарёкся впредь таскать неугодные вести Сашке Баранову.

А потом вместе уже потешались над Мишкой Марковым, которого застал и прижал прямо на улице отец Матрёны.

Прознал, видать батя о шалостях дочкиных и отхлестал Мишку вожжами так, что тот долго со своего двора не показывался, – ждал, чтобы следы от вожжей сошли с лица.

Но выходило так, что поздно батя Матренин спохватился: понесла гулёна-дочка после шумливых гуляний, и пришлось срочно по осени гулять свадьбу. Не очень весёлыми выглядели на гулянье молодые – Матрёна припухшая ликом, всё слезы норовила лить, а Мишка сидел, словно на кол угодил и только косился на отца Матренина и, как заведённая кукла, кивал часто и испугано. Тесть и вовсе сидел сумрачный, а оно и понятно, от чего: истый купец Урываев желал отдать дочь за кандидата на роль зятя равного по капиталцу. Задумка эта была в приоритете, дабы сложить мощь купеческую, взяться и сообща вершить большие дела, помножив возможности. А на поверку приходилось с нуждой отдавать дочь за проныру без роду, племени и голому, как горбыль на крыше.

– Гол, яки тесаный кол, – сокрушался, выпив горькой Урываев, уронив косматую голову, но вскоре смирился, как разбарабанило Матрёну и покуда не родила дочка купцу внученьку по весне.

Так или иначе, а к лету родила Матрёна дочку. Заматерела баба и уже не казалось такой испуганной, но на мужа смотрела по-прежнему как бы со стороны и надменно – знать не до конца приняла суженого и норов свой показывала, ощущая свободной в помыслах и поступках. Случалось такое с поморской жenkой, что порой и мужские обязанности тянут наравне с мужьями на промыслах и весь дом с детьми на них, а от того и вольности им не так запретны, в сравнении с бабами средней полосы. А тут вдруг прозрела Матрёна, дошли отцовы наставления, что за неровню вышла, от неровни понесла – загордилась запоздало бабёнка, но поздно видать.

Мишку тесть пристроил поначалу приказчиком на прибрежном промысле. Мужик пропадавал там неделями, а в путину и вовсе месяцами. Тесть правил торговлю и мотался то в Петрозаводск, то в Санкт-Петербург. Вот так и сладилось пока, но надрыв чувствовался между молодыми, да и отец не шибко зятем был доволен: всё ворчал, попрекал и старался сослать подальше с глаз долой.

Поднялся Урываев и вышел в первые купцы Каргополя после того, как случился большой пожар, и выгорело поболее половины города. Дом Урываева на горе на берегу реки уцелел чудом, а сам Поликарп, как прознал – примчался из Петрозаводска и обомлел – дом его стоял как перст среди обгорелых дворов и печных труб, среди раздуваемого ветром пепелища. Чудеса на этом не закончились. Из Петербурга вскоре приехала комиссия от самой Екатерины Великой во главе с владетелем Олонецкой губернии Гавриилом Державиным.

Сам Гаврила, спустившись с возка, походил вдоль выгоревшей улицы, трогая палкой с набалдашником из серебра головёшки обгорелые, а переговорив с городским головой, дал распоряжение дело выправить и стройку начинать, чтоб до зимы погорельцы под крышей уже дневали и ночевали.

Комиссия, оценив ущерб от пожара, объявила Указ о выделении средств на обустройство сгоревших подворий. И закипела работа в Каргополе. Купцы наняли артели строителей, привезли мастеров со всей округи и взялись рубить дома споро да ладно. Удалось тогда и Урываеву ухватить подряды и крепко заработать. После такой вот двойной удачи резко поднялся купец Урываев и не забывал сходить на заутреню в храм Архангела Николая Угодника, отстроенный после пожара на пепелище прежней ветхой церкви.

Теперь же, отметив старания зятя, стал купец Урываев доверять ему торговые дела смелее и стал мотаться Мишка в торговые ряды и править торговыми домами купца Урываева в столице и Петрозаводске. От такого вот разворота в Мишке поднялась уверенность, появилась степенность и даже властность. Побаивались приказчики, извозчики да грузчики молодого хозяина. Мишка, подражая тестю, частенько перегибал палку: мог в запале, задыхаясь от злобы, в зубы «заехать» и затрещину вклеить; одарить «лещом» мимоходом; рассчитать в скорую, не глянувшегося ему работника.

Личная жизнь Матрёны и Михаила вершилась без потрясений, но явно и без огонька. Скоро стало известно о том, что новоявленный купец – муженёк Матрены завел зазнобу в Петрозаводске и, как будто, там уже наследник на свет божий явился. В гневе теребил самолюбие своего зятя Поликарп, но добившись от зятя объяснений, и самых что ни на есть откровенных извинений и заверений, успокоился и махнул рукой, – будь, что будет, главное, чтобы делом занимался исправно. А что баба на стороне, так это дело житейское, рассудил Поликарп, сам не безгрешный по бабьей части: главное, чтобы о своей семье не забывал да дело исправно делал и множил состояние.

А Матрёна затаила липкую, как смола обиду и взялась лелеять лютую месть в сердце. Ходила, высоко задрав голову на людях – типа, всё мне нипочем, а сама ревела в спальне до полуночи, измочив не одну подушку, пребывая в одиночестве, пока Мишка был в отъезде. А наревевшись вдоволь, глядела в зеркало на заплаканное опухшее лицо, глаза красные и клялась себе, что отольются слёзоньки горячие непутевому муженьку.

Баранов, достигнув и тридцати лет, пары не обрел: дела влекли, поездки частые случались – очень хотелось увеличить капиталец да выйти в первые купцы северного края. Всё дела, да новые идеи влекли лысеющего уже мужика, а на семью времени не оставалось. Да и то верно, – в каждом уголке поморского края по сладкой знакомице находилось, с которыми проводил краткие встречи и делился своим мужским избытком энергии, получая женское плодородное участие вдосталь. А от этого расклада выходило, что не досуг было искать избранницу, доверившись времени свершить сей вопрос по случаю.

В такой вот душевной раскоряке, неустрое сердечном сошлись вновь Матрёна и Александр.

Конечно, помнилась ему Матрёна, которую казалось, любил он серьезно всей пылкой своей юной душой. Не забываются долго волнующие душу приливы, любовь первая. Кажется по молодости, что нет важнее этих чувств, волнения и нет краше девицы, разволновавшей впервые кровь. Но было это давно, а теперь при встрече кивал, обычно опустив глаза, и сразу

долой с глаз старался убрать, чтобы бес не попутал. Но на то он и бес, чтобы спутать всё и всех, выбрав удобный греховодный момент, направить по дорожке скользкой.

В один весенний мартовский день, когда ещё и снегу вдоволь и солнце уже не шутит, явив свою могучесть, встретились на задворках Александр и Матрёна. Встретились как бы невзначай, но на поверку вышло, – по сговору негласному. А случилось так, что когда шли с утренней воскресной молитвы от храма, как бы случайно пересеклись и, кивнув, друг дружке, было разошлись стороной, но Матрёна вдруг шепнула в след:

– К вечеру за дворами, за косогором у нашей берёзы.

Александр сразу и не понял, что сказала ему Матрёна, – не ждал он от неё такого решительного и откровенного предложения. Но голос, как ответ на призыв, вдруг зазвучал в нём набатом, забарабанило сердце, когда женщина, окинув его испытывающим взглядом, прошла мимо и пошла далее по улице, качая подолом, так, словно и не было ничего. Стал прикидывать Баранов – где да когда встреча. Выходило, что на окраине, – там уже улица притирается к лесу, за знатным косогором, где летом хороводились обычно парни с девушками, и стояла приметная берёза, вокруг которой частенько гуляла молодежь.

И уже в сумерках, когда пробирался Александр дворами, думал о том, – ну что я ей скажу, и зачем мне всё это нужно с замужней бабой. Но при встрече забыл обо всем и потянулся в ответ на Матрёнин порыв, и сгрёб её неловко всю сразу и тискал, мял так, что руки от напряжения заболели, а Матрёна попискивала, скулила от удовольствия и нетерпения, поощряя Баранова. Дотискались-дообжимались молодые до того, что оказались в баньке, что стояла тёплая со вчерашнего банного дня на заднем чужом дворе. А в бане в сумерках, среди шаек и лоханок, поварёшек и разбросанных иссохших на жаре веников свершили великий грех, который им вовсе грехом не показался, а был прорывом в иное телесное и душевное измерение, неким светлым откровением, тайной, что несли и берегли в себе долгие годы. Несли, как бы, не замечая, а на поверку лелеяли и едва дотащив, выплеснули вместе, и получилось чудо, после которого расставаться было так болезненно, так мучительно, что казалось, отстранил её от себя, ушёл, а душа осталась и требует вернуться. Но ты ушёл и живёшь теперь без того, без чего и жить то может показаться не получается и, мучишься, страдаешь, болеешь душой, пока ждешь новой встречи.

Конечно, прознал Мишка про то, что жёнка его спуталась с Барановым. Пару раз сшибались они петухами, но Баранов таился, всё отрицал, а дать отпор всегда мог, так, что Мишка Марков, хоть зубами и скрипел, ломая эмаль, но поделаться с греховодниками до поры ничего не мог и только грозился прибить.

И вот эта нечаянная встреча на озере с мужем Матрёны. Знал конечно Баранов, что Марков в Петрозаводск отбыл с обозом и повстречаться с ним не желал, но отложить свой выезд не мог – время поджимало: того и гляди лёд начнет худеть да зимняя дорога по озеру водой заполняться. Поехал, не дождавшись возвращения мужа Матрёны прямо из жаркой постели после долгой сладкой ночи с женой Маркова. И вот тебе, – встреча, как ушат ледяной воды. Но разминулись удачно, а значит, на базаре и в торговых домах им уже пересечься не суждено, а это было хорошо. А не то при встрече могли и за грудки друг дружку потаскать, да с расквашенными лицами явить миру свою несерьёзность. Всё же скандал на чужих людях не нужен. Делу вредит, и не любил Баранов скандалить, всё старался миром решать. Правда в любовной этой истории уже так запутался, что выпутаться не выходило, и приходилось терпеть пока неустроенность чувств, неудобье в жизни.

В Петрозаводске дела сделал Баранов быстро. Рыбку удачно сдал в торговый дом, мех по ранней договоренности продал заезжему купцу. Деньги получил сразу и тут же засобирался домой: что-то гнало назад, какое-никакое неудобье душевное, незавершенность дел и намерений. С утра и тронулись, а уже ближе к Каргополю, на станции встрял в разговор знакомцев,

что только накануне выехали из города. Знакомые поведали, что по городу пошёл слух, что не вернулся из поездки Михаил Марков. Весь его обоз сгинул, а уже на озере, совсем близко от берега нашли опрокинутые сани, вещи, раскиданные и околевшего коня с оторванными постромками. На месте, было это видно, произошла изрядная суতোлка: снег истоптан, перемят, местами кровь и большая промоина у дороги. Гадают теперь в городе о том, что приключилось, какая-токая напасть случиться могла, и все склоняются в своих размышлениях, что ограбили купца с деньгами, а всё, что было при нём, тела Маркова и его спутников спустили в озеро.

Растерялся Баранов. Весть огрела, словно обухом по затылку, – неожиданно, исподтишка. Всего он ждал, но такого вот исхода не предвидел и не желал. Радости от того, что соперник его пропал не испытал, а подумал, что видимо провалился Марков в озеро, когда ехал вдоль берега. В этих местах всегда раньше всего начинал лёд разрушаться и мог провалиться обоз. Дорога эта была покороче. Но зимой мало кто по ней ездил, так как из-за обрывистого берега наметало там снега поболее, чем на открытом льду. К весне правда начинали и там ездить, когда метели уже были не столь злыми и снежными, снег улежался и появлялась наезженная дорога. Но вот уже к оттепели эта более короткая дорога становилась опасной.

– «Что это так погнал в Каргополь Мишка?» – задумался Баранов и сам себе ответил:

– «Видать, как меня распознал в санках, закипела в нём ревность, и стал торопиться домой, чтобы с бабой своей – Матрёной разобраться. А чего спешил, коли я уже уехал и с Матрёной попрощался?».

Что-то не сходилось в логике событий.

«Да кто его знает, что у Мишки было на уме?» – решил в итоге Баранов и перестал думать и переживать об этом.

С такими мыслями и прибыл Баранов на свое подворье в Каргополе. А с утра во двор ввалился Поликарп Урываев – тесть Мишкин. Прибыл не один, а со своими плечистыми работниками и с ходу заявил, что считает, это он – Баранов причастен к гибели зятя.

– С чего взял-то, дурень ты старый? – отмахнулся Баранов и погнал пришлых со двора.

Но Урываев в запале кинулся на Баранова с палкой, на которую опирался в последние годы. Баранов увернулся и свалил промахнувшегося и потерявшего равновесие купца: тот неловко упал лицом прямёхонько в кучку лошадиного помета. От такого кульбита всем стало смешно, и даже помощники Поликарпа невольно захмыкали, сдерживая смешки, но вскоре встрепенулись и кинулись поднимать хозяина. На этом стычка угасла, но садясь в санки, Урываев тряс своей тяжелой тростью с полированным набалдашником и грозился отправить Баранова в Сибирь в кандалах.

После этакой разборки понял Баранов, что наступили непростые времена, и против него ополчилось купечество Каргополя, настроенное Урываевым: ссуду, а банке для строительства амбаров не дали, а оформить займ никто из купцов не решился, опасаясь гнева тестя сгинувшего Мишки Маркова.

Была ещё надежда, что объявится Мишка, но прошла неделя, вторая, дорога на озере разрушилась и скоро сгинула, а расследование зашло в тупик. Каких-либо сведений о причастности Баранова, конечно, не нашлось, но от того стало не проще. Матрёна при встрече сторонила Александра, словно и не было у них ничего: ходила теперь то ли вдовой, то ли брошенной женой, но неизменно в чёрном платке. Но скоро стало ясно, что просто баба блюдет порядок, коли мужик сгинул, и нужно было по-людски перейти в статус опечаленной событиями вдовы. Этот порядок требовал держать дистанцию, не путаться и, прощаясь мысленно с супругом, отдать ему честь и взять с собой память.

Весна между тем набирала ход, и зелень закурчавилась на деревьях и поля зазеленели. И в такой вот день явилась Матрёна, уже не хоронясь к Баранову, и глянула ему в глаза. Конечно,

не верила Матрёна, что причастен он к гибели мужа, но решила удостовериться и, припав к груди мужика, отдала ему свою судьбу, уже не таясь.

Вечером, когда весть о том, что Матрена и Баранов сошлись в открытую, облетела Каргополь и во двор уже несколько раз наведались проверить весточку знакомые да заглядывали ушлые товарки.

Баранов и Матрена решились быть вместе и взялись обсуждать своё положение.

– Ехать куда-то надо нам. Здесь уже толку не будет, особенно после последних происшествий, – предлагал Баранов, вспомнив недавнюю ссору с тестем.

– И куда нам деться-то? А может все уладиться? Отец строжится, да всё понимает: уже как будто и успокоился. Мишку не вернешь, да и не любил он его по-настоящему, – прижавшись к Баранову, отвечала Матрёна, впрочем, уже готовая ехать, – так уже наскучила ей размеренная провинциальная жизнь, которая не могла измениться и после гибели мужа и вероятно нового замужества. А хотелось чего-то нового, хотелось многое в жизни поменять, убежать от пересудов, попреков, перевернуть память на новый лад, узнать новые в жизни события и изведать яркие эмоции.

– Знаешь, я на днях со знакомцем из купцов говорил, так он рассказывал, что нынче в Сибири открываются большие возможности для купеческого дела. Туда всё более народа отправляется: служивые, ссыльные, вольные поселенцы и есть нужда в торговых домах. И потом из Сибири можно многое везти – меха, золото, специи, чай из Китая, посуду фарфоровую, ту же рыбу, оленину. Торговые пути там с востока совсем рядом. Знай, вкладывай свой труд да деньги и навар будет всегда. Сказывают можно быстро встать на ноги, коли будет капиталец начальный и не лениться. Многие приводят пример Григория Шелихова. Он мужик из России и за несколько лет высоко поднялся и расширяет свое дело купеческое. Промыслы ведут на морях восточных, на Камчатке и уже дальше заглядываются на Америку. Так, что думаю попробовать и в новых краях начать своё большое купеческое дело.

– Боязно, Саша. Все же и дочка у меня. Не хочу её оставлять.

– Что же с вами поделаешь, – поедете вместе. И в Сибири люди живут и не худо. Что Сибирь? Да тот же северный наш край, только далее будет.

Отец Матрёны, сдавший уже в последний год, равнодушно воспринял весть об отъезде дочери и внучки, только когда понял, что не шутят молодые, буркнул:

– Обвенчались бы, а то срамота, – грех жить-то в безбрачии.

Перед отъездом решились и отправились к батюшке в церковь Вознесения господня, где крестились. Батюшка поначалу противился, но после того, как увидел, что родители Матрёны и Александра не против и дали на церковь солидную подать, согласился и обвенчал молодых.

Так установился зыбкий, без сердца мир у Баранова с зятем и засобирались с чистым сердцем, не таясь.

Когда выезжали с подворья, из подъехавшего тарантаса вышел проводить и сухо перекрестил отъезжающих сам Поликарп Урываев с женой. Теща вынесла икону Николая Угодника и перекрестила путников в дальнюю дорогу.

В доме Баранова прощание было долгим. Отец и матушка, брат и сёстры прощались долго, со слезами, поминая, что в Сибирь по своему согласию едут немногие, и просила сына и брата возвращаться, коли дела не сложатся, а не упрямиться и стараться чрез меру добиться успеха.

– Там, поди, и разбойников как в старой шубе клопов? – спрашивал Андрей Ильич и ему поддакивала Анна Григорьевна.

– У нас их мало? – смеялись над вопросом младшие сестры Евдокия и Васса.

– Ты меня заберёшь, когда постарше стану? – интересовался брат Пётр, – дюже хочется мир посмотреть.

– Так туда ехать-то сколь? – опять сокрушалась Анна Григорьевна и качала головой, когда сын ответил, что месяца три нужно будет потратить на дорогу.

С тем и отбыли в Новгород, а оттуда в Петербург, чтобы с обозом под казенным приглядом тронуться в путь.

Сборы затянулись до лета, путь до столицы и ожидание обоза потребовали еще месяц, но уже осенью 1780 года, одолев нешуточное расстояние, которое поначалу просто повергло в уныние, Александр Баранов в возрасте Христа с венчанной женой и приёмной дочкой, оказался в Иркутске.

На дорогу без малого ушло два месяца пути и всё, что увидел Александр Баранов, привело его в необычайное состояние. Огромные, практически пустынные пространства и пугали, и манили. Широкие реки – Иртыш, Обь, Тобол, Енисей, Ангара и бескрайняя тайга, даже в сравнении с севером, создавали впечатление достойное восторга.

– Ну, как здесь не развернуться! – тормошил жену Баранов, представляя себе размах своих дел во благо личное и на пользу Отечества.

ИРКУТСК

Сразу за рекой обоз, за которым следовал и тарантас Баранова, оказался в городе, преимущественно деревянном, с резными наличниками и высоченными деревянными воротами.

Из-за осенней распутицы город казался ещё более неухоженным, обветшалым и неудобным. Радовали стройностью и яркостью храмы города, возвышающиеся над низкорослой убогостью основной части домов и строений. Храмы жили, – напоминали о своем предназначении разногласьем перезвонов колоколов малых и больших, их звон разносился над городом и рекой, окрестными деревнями, что лепились к воде вдоль Иркуты и Ангары, создавая обширное предместье. Вдоль Ангары и в центре города было уже достаточно каменных зданий, а город насчитывал более тридцати тысяч жителей и более десятка тысяч дворов и домов, с деревянными тротуарами вдоль улиц в центре города.

В сентябре Баранов въехал с Московского тракта в город, едва успев пересечь Иркут, а затем и Ангару по переправе Троицкого перевоза, оценив размах и мощь реки, несущей свежее дыхание Байкала. Перевоз связывал городское предместье с центром города.

Город на берегу могучей реки, необъятная вокруг Иркутска тайга и Байкал, к которому удалось навестись вскоре, сразили космизмом Баранова. Конечно, север то же не обделен масштабом и природными закромами и вероятно для человека малосведущего Сибирский размах был бы не столь удивителен, но для Баранова всё увиденное легло на душу так легко и просто, словно встретился он с некогда оставленным, но своим, душевным и притягательным знакомцем.

По приезду обратился Баранов без обиняков напрямую к Григорию Шелихову, полагая, что пришлый из Рыльска купец сможет дать дельный совет и вновь прибывшему деятельному человеку.

Шелихов – ровесник Баранова, принял его в своем доме и, выслушав сказ о дороге, о причинах, что позвали в путь далёкий, пригласил работать у него, чтобы оглядеться и вникнуть в тонкости местного купеческого дела, познакомиться с деловыми людьми города. Баранов такой вариант отклонил, ссылаясь на то, что всегда работал самостоятельно, капиталец, хотя бы и не великий, у него имеется, и хотелось бы самому вести дела.

Шелихов усмехнулся, и одобрительно покивал головой, и было не ясно, то ли одобряет он стремление Баранова работать самостоятельно, то ли сомневается в том, что это разумно.

– Знаешь, мы тут с Иваном Голиковым и его племянником Михаилом учредили торгово-промысловую компанию. Хотим, знаешь Александр Андреевич, шагнуть за пределы Империи нашей в сторону Американского континента. На Камчатке пушной зверь уж не даёт

высокой прибыли, – что говорить, подвыбили, истошили племя звериное основательно. А от Камчатки на восток к берегам Америки тянется дугой гряда островов, на которых зверь не тронутый. Побережье американское то же пока ждёт своего часа, не занятое кем-либо, полное до краёв зверьём. Так, что планы великие у нас. Подумай сам: дело для тебя найдётся, – со временем и в долю войдешь компаньоном.

– А Иван Голиков, он кто? Не встречал его в Иркутске.

– Иван Голиков большой человек и купец. Живёт в Петербурге, сам из Курска, где был даже главой города. А купеческие дела у него обширные, но в основном по питейным делам. Ввозит коньяки из-за границы, производит спирт и имеет обширные торговые дела по всей Сибири. Занимается и пушниной. Теперь он основной владелец акций нашей торговой компании, её главный руководитель. Здесь на месте правит за него племянник, которого он отправил для этого из столицы. Это Алешка Полевой. Мы с ним сошлись здесь коротко. Парень он ещё молодой, любит покуролесить, картишки разложить, пображничать, а в дела сильно не вникает. Ну и ладно, – нам это на руку, – Шелихов усмехнулся, глянул весело на Баранова и довольный каким-то ему ведомым воспоминанием, разгладил бороду.

– Ты не гневайся, Георгий Иванович, я пока хочу сам попробовать заняться делами. Есть у меня несколько идей промышленного дела. Готовлю предложения и хочу обратиться к губернатору за поддержкой.

– Экий, ты Змей Гордыныч, Александр Андреевич! Но, знай, на новом месте оно всегда не просто дело начинать, даже мало-мальское дельце-затею. А дело крупное купеческое, ой, как непросто – втрое. В Сибири, дорогой мой, народец собрался себе на уме: не просто будет.

– Я с севера, не из столиц сюда прибыл: сдюжу никак! А тебе поклон за поддержку. Может и сладится у нас! А пока, не зарекаясь, попробую сам.

– Что же, братец, тогда тебе я не советчик. Но коли «налил чай, – пей, не то остынет», – взялся за дело, делай без сомнений, глядишь, чего и выйдет. Но ты мне тогда прямой конкурент будешь.

– Думаю, не переругаемся, Григорий Иванович!

– Да, уж! Хотя у нас здесь простор для деловых людей, каждому места хватит. Многие занимаются торговлей с Китаем, не брезгуем и лавки открывать, торговать водкою. Но основной промысел у нас пушной. Промышляем и местной, и привезенной из дальних мест рухлядью. Везём и с Камчатки, а теперь уж и из Америки, до которой от Камчатки «*по за огороду*» рукой подать.

– Это что за такое – «*по за огороду*», Григорий Иванович?

– Такой, знаешь, у нас маршрут наметился в Америку: не огибая Лопатку камчатскую, напрямки от берега моря по суше в Нижнекамчатск добираемся, а там собираем баркас, а то и коч лёгкий и идём к островам, что меж собой зовём Алеутскими. Острова эти дугой тянутся чуть ли не от Камчатского берега к берегу американскому. Так вот от острова к острову идём до большого острова Кадьяк. Он рядом с материковой сушей. Выходит такой маршрут часто надёжнее, с пути не собьёшься, правда, удобно это когда без груза идёшь. Здесь сам понимаешь, по суше, – по земле камчатской от моря Камчатского до океана без дороги да лошадок много не утащишь. А потому маршрут вокруг Камчатки крайне важен. От того и порт в бухте Авача следует развивать, как место важнейшее на этом пути. А без крепкого порта на пути в Америку, и тем более назад, – восвояси, худо бывает.

– От чего так, Григорий Иванович?

– Непрост этот путь для нас пока. Суда, отправившиеся из Охотска, никогда не доходят в тот же год до Аналашки, Кадьяка, – самых крупных островов у берегов Америки. Причин много: шторма да худые корабли, что строгаем из сырого леса. Опять же, – отсутствие учёных навигаторов. А в сентябре уже Море-Акиян штормит, а потому, как настигает осень корабль в пути, ищут залив купцы с пологим песчаным мягким берегом или закрытую бухту, высажива-

ются и зимуют, переживая период штормов. Живут порой впроголодь, в болезнях, в построенных наспех землянках, питаюсь битым зверьём и рыбой. Этого добра на побережье в достатке, но при обилии еды, тем не менее, болеют промысловики, мрут без доброго хлеба, овощей. Так до июля месяца порой терпят, ибо только с этого летнего месяца льды на Камчатском холодном море расходятся и выброшенные на берег, остаются здесь таять до осени и следующей за ней зимы. Штормы к середине короткого лета успокаиваются, и начинается в здешних местах короткое холодное лето и безопасное плавание. С наступлением лета судно стаскивают на воду и плывут дальше, достигая островов Уналашка и Кадьяк, если всё удачно складывается с ветром, уже к осени.

Бывали, представь, Александр Андреевич, случаи, когда суда терялись на просторах океана и приходили в порт на Кадьяке через два, три, а то и четыре года. О таких уже и позабывали, памятью лишь о пропаже русских людей, а они тут как тут, – вдруг возвращаются. И радостно это, а бывало и странно и нелепо: груз утрачен, всплывают долги да претензии, так, что порой вернувшиеся и не рады были, что нашлись. Спрос за утерянный, сгубленный товар бывает таков, – словно удавка на шее.

Случалось такое, что суда носились в море по месяцу и по два, не зная в какой стороне у них суша. Мореходы тогда доходили до крайности от недостатка пищи, а ещё более нехватки воды. От голода съедали свои сапоги и кожи, которыми обвертывали такелаж и ждали дождя, молясь и прося небеса о влаге.

Случались с мореходами и совершенно необычные истории.

Одно судно, пустившись от Камчатки к Алеутским островам, потерялось и зашло далеко на юг, гонимое попутным ветром. Но когда в ноябре стало уже нестерпимо жарко в южных широтах и возникло чувство, что несет их в дышащую жарким огнём пасть южного чудища, мореходы, мучаясь от отсутствия воды, решились положиться на волю божью. От безысходности вынесли на палубу образа Богоматери и взялись молиться все хором, призывая внимание господина к их горестной судьбе.

И чудо свершилось!

Через некоторое время полил дождь и задул южный ветер, который не стихал более двух недель: подхватил южак суденышко и понёс на север.

Так, следуя в северном направлении, они оказались уже в широтах острова Афогнак, что уже недалече от Кадьяка, на коем вскоре и были обнаружены людьми с русских колоний, прибывших на остров для промысла.

Другой случай был с судном, которое носило по морю так долго, что всем уже казалось, что они или у Японии, или Америки. И тогда увидев пологий берег, решили на него «взойти», что значило просто выброситься, направив судно на берег по крутой волне. И так «счастливого взойшли» тогда на берег, что судно осталось целым, а морские валы и вовсе не достигали уже посуды. Так и сидели, покуда не появился на берегу океана солдат расхристанный, но с ружьём. Мореходы затаились, приготовились отбиваться, ружьишки выставили. Солдат в ответ поначалу схоронился за бугром песчаным – взялся приглядываться, а затем, осмелел и к удивлению скитальцев, заговорил с ними по-русски, и объявил, что они высадились на берегу камчатском и рядом с Большерецком. Тут все загалдели, вышли обниматься со служивым человеком и попросить помощи. С помощью солдат местного гарнизона спустили судно снова на воду, поправили его и пошли вдоль берега по назначению.

Другой случай вспомнился и вовсе из разряда удивительных.

Носились по волнам купцы, не сохраняя курса месяца два, и когда увидели скалистый берег, то решили оставить корабль на якорях и сойти на сушу, чтобы пополнить запас воды и просто отдохнуть от выворачивающей нутро качки. Удачно высадились, а на второй или третий день разыгралось на море такое представление, что на глазах страдальцев судно их сорвало с якорей и унесло в море с глаз долой. Остров, на котором оказались промысловики, был скалист

и малопригоден для долгой жизни. Не было на нём и леса, чтобы построить какое-никакое суденышко. Да и чем было строить-то неказистую посудинку?

Оставалось одно – ждать гибели и молиться.

Молились от безысходности, а как-то под вечер вдруг увидели корабль, что шёл к острову. Давай его зазывать кострами, а когда разглядели, то убедились, что Бог есть и вершит свою волю, спасая страждущих, – к острову несло их потерянное судно. Тут уже сподобились, быстро сели в шлюп и кинулись к нему на встречу, не жалея жил. Настигли судёнышко, забралась на борт и развернули родимое свое прибежище, сродни «Ноевому ковчегу», которое разыгравшийся шквал нёс прямехонько на прибрежные скалы.

– Бедовое у тебя дело, Григорий Иванович! Но чего ради, так упираешься, с риском великим дело ведешь? Неужто здесь у Байкала нет, чем заняться иным? Здесь и промыслы таёжные и рыбные угодья. Можно, я слыхивал вести горный промысел: золотишко добывать.

– Эх, Александр Андревич, ты бы видел те края, обильные и прекрасные! И потом, это все ради Отечества стараюсь! Хочу выстроить в дальнем крае, на другом континенте колонию «Славороссия». Звучит-то как! Имеется у нас Белороссия, Малороссия, – будет и Славороссия! Но чтобы нам укрепиться на американской земле, надобно на юге выстроить нам колонию по обеспечению северной территории продуктами, прежде всего, хлебом. Пока же только поставками спасаемся из России, а это дело долгое, рискованное, а потому часто колонии живут впроголодь.

Из долгого, обильного на планы разговора понял Баранов, что большие дела делает Шелихов, строит далекие перспективы освоения новых рубежей Отечества. Для этого строились планы налаживания отношений и просвещения алеутов, местных индейцев кониага и тлинкитов-колошей, которые должны были стать добропорядочными подданными России, православными людьми и пополнить штат лояльных к российской власти работников.

Троих уже мальчиков, рождённых алеутками от промысловиков, отправил Шелихов учиться навигации в Петербург и ждал теперь их с надеждою укрепить мореходство.

Одной из первых задач Григорий Шелихов считал необходимым исследование побережья в устье Амура с целью постройки незамерзающего порта для налаживания торговли с Южным Китаем, Японией, Кореей и другими странами региона. Место в устье могучей реки уже обследовали и заложили обширную избу, чтобы можно было причалить и остановиться тем, кто возьмётся обустроить причалы и будущий порт.

Для освоения дальних рубежей и добычи морского зверя, ловли рыбы ставилась цель заселить промышленными людьми Сахалин и острова Курильской гряды.

В планы компании Шелихова входило снаряжение экспедиции по Ледовитому океану от устья Лены до Берингова пролива, для налаживания морского пути на Камчатку и в Америку. Этот путь был более рациональным, так как проходил по рекам и далее морем. Но следовало серьезно изучить движение льдов и их состояние в прибрежной зоне, чтобы налаживать движение товаров.

Среди важных решений была определена задача налаживания торговли с испанской Калифорнией и с недавно возникшими Соединенными Облaстями Америки. И конечно намечалось развивать колонию на американском берегу, расширение границ этой территории.

Для поездок на восток и доставки грузов к морю планировалась постройка дороги от Иркутска до реки Лены, станций и причалов на всем пути от Иркутска до Якутска и далее до Охотска.

Планы были грандиозными, устремленными в далёкую будущность и возник соблазн взяться вместе с Шелиховым за общее дело, но решил-таки Баранов попробовать сам вести купеческий промысел. Хотелось вольности в делах, желалось испробовать возможности сибирского края, границу близкую с Китаем с его чаем, мануфактурой, уже распробованных в Рос-

сии. Поразмыслив, Баранов на первых порах уклонился от работы с Шелиховым, предпочтя оставаться с ним в дружеском общении.

После первых разговоров о купеческом промысле и советов Шелихова, обосновался Баранов с семьей в свежесрубленном доме у самой Спасской церкви, старой и величественной, вокруг которой велись работы по реконструкции, и был уже виден замысел создателей, способный возвеличить храм. Рядом с домом, в подворье Баранов выстроил склад и тут же открыл лавку под попечением Матрёны, чтобы не скучала, да копейку лишнюю заработала. Та взялась с интересом, прикупили товару у местных купцов оптом, и скоро лавка Баранова стала популярна. Тянулись к Матрене покупатели, оценив и обхождение, и умеренные цены, что были без излишней корысти.

В доме в подворье разместились пока скромно, и Баранов взялся налаживать свое дело. Поначалу вложилась Александр Андреевич деньгами в проект самого Шелихова, доверившись ему, чтобы какой-никакой доход иметь с промысла сибирского знатного купца, а сам взялся обдумывать налаживание производства. Тут и верфь назревала в городе у великого Байкала, и налаживание торговых путей через Байкал с китайским рынком в Кяхте.

В городе в это время руководил губернатор пятидесятилетний Франц Кличка, в прошлом боевой офицер, чех по национальности, но сделавший карьеру на службе и ставший генералом за заслуги в России. Что удивительно был губернатор выходцем из крестьянского сословия. Это было конечно уникально, чтобы простолюдин, из крестьян, да сделал такую карьеру, но всему первопричиной были страсть Франца к образованию и рвение по службе, к которой он был приспособлен всеми своими талантами.

Обширный край, которым довелось руководить Кличке, простирался на огромных пространствах Восточной Сибири и всего востока Империи, включая и Камчатку. Отметив дикость нравов местного люда, в основном из бывших каторжан и ссыльных, губернатор учредил в городе краеведческий музей и публичную библиотеку. Оценив перспективы торговли, взялся развивать торговые дела с Китаем через Кяхтинский рынок. Человек европейский, губернатор уделял внимание порядку на улицах, взялся было отстроить какую-никакую набережную для прогулок и тротуар, чтобы в распутицу без калош можно было пройти хотя бы по центральной улице до его губернатора дома.

В 1783 году Франца Кличку на посту губернатора сменил боевой генерал, участник войны с турками, в годах уже почтенных Иван Якоби. Новый губернатор принял учрежденное в марте этого года Иркутское наместничество и стал именоваться наместником императора российского в обширнейшем крае.

– Правда, народу здесь разместилось совсем немного, да народец всё ссыльный да подневольный, – сокрушался Якоби, понимая, что для развития края нужно больше народа, способного к найму для работ по строительству, на промыслах.

Из России в Сибирь и далее ехать добровольно вероятно захотели бы многие, но крестьянин был закреплен за помещиком и сам ничего не решал, вот и маялся всю жизнь там, где народился на свет божий, не видя этого света окромя окрестных проселков и дорог. Вот так оковы крепостничества не давали расти и развиваться стране, отстраивать ее дальние окраины с суровыми природными условиями, обильными запасами всего, что требуется для безбедной жизни и развития в экономике.

Новый губернатор оказался ценителем искусств – с ним в Сибирь прибыли сорок музыкантов, и в его поместье, регулярно проводились салоны, народные гулянья. Губернатор скоро стал центральной фигурой иркутского общества. На него и близких к нему господ, многие ориентировались, старались брать пример. В то же время Якоби взялся и за развитие деловой жизни города: нашлись деньги и были построены здания для присутственных мест, основаны

приказы общественного призрения, богадельни, больницы, рабочие дома, открыты народные училища.

ПОЕЗДКА В КЯХТУ

Обжившись в Иркутске, заведя знакомцев, наслушавшись от иркутян об особом торговом месте, что пристаёт как «пырей» к торговым людям, влекомых обильной выручкой, решил купец Александр Баранов посетить Кяхту.

Выручка, добываемая на Кяхтинском рынке, определялась разницей в стоимости чая в России и здесь на далекой окраине, границе империи с Китаем. Разница эта, – чистейший барыш, была столь велика, что только питейное заведение могло с ним поспорить по выгоде.

– А от чего место называют это «пыреем»? – спросил Баранов, впервые услышав о Кяхте от своего соседа, который тут же повторил:

– Пырей, он и есть пырей.

Сосед Баранова – незадачливый купец в прошлом, а ныне потерявший себя в обществе забулдыга, будучи мужиком не богатым, непрерывно пьяненьким и часто битым женой, вопросу поразился, ибо редко такое случалось, чтобы его о чем-то спрашивали в теперешнем его положении. Услышав вопрос от человека авторитетного, сделался дядька вида задумчивого, скривил в размышлениях губы и выдал, наслаждаясь каждым верным словом:

– Место то пырейным зовется, – знать заросло пыреем-то. Сказывают, как казаки прибыли ставить крепостицу Троицкосавск на границе с китайцами, шастали по окрестностям, высматривая удобное место, так у коней все хвосты пыреем забило. Ругались, хвосты конские вычесывая да подрезая, а местные буряты смеялись над ними и сказывали, что это место так и зовется – Кяхта, что и значит пырейное место. Заросли там этой приставучей травы несметные. А Троицкосавск – он рядом с торговым местом, по-бурятски Кяхтой.

– Хочу вот съездить, глянуть, прикупить товару, своего доставить, что завалился уже на складе: прикупил давеча меха беличьи да соболиные, но не идут что-то в расход, – как бы моль не побила. Поеду – сдам, а на вырученные деньги куплю чай, специи. Сказывают можно хорошо заработать, если отправить в Москву и Петербург хотя бы и оптом.

Сосед глянул на Баранова, скривившись, – по всему было видно, что все эти его планы ему были малоинтересны.

– Оно знамо так. Местные купцы на том и живут, церкви ставят, дома в столицах. А что касательно моли, – сосед, хитренько подмигнул, нагоняя таинственности на известную летучую тварь, – она, моль-то, летает, но её не видно вовсе, а как где усядется зараза – после неё дырка остается на шерсти и в мехах особливо.

– Вот как так? – искренне подивился сказанному сосед, закончив витиеватые размышления, теперь явно ожидая, что Баранов угостит его чем-то крепким за переданную ему информацию.

Баранов уловил намёк, но не стал отзываться на незримый зов плоти пьющего соседа. Тот, огорченный черствостью Баранова вздохнул и тихонько, явно для себя, произнёс:

– Некоторые, они как бы люди, а от них тоже ничегошеньки не получишь окромя дырки – прорехи в надеждах насущных.

Баранов вновь сделал вид, что не обратил внимания на реплику соседа и бойко продолжил:

– Вот и я схожу на Кяхтинский рынок, как Ангара после Рождества встанет, – решился вдруг Баранов отчего-то именно после разговора с соседом, сомневаясь до этой поры, стоит ли в дальний путь отправляться. Все же верст пятьсот нужно отмахать, что для Сибири конечно не столь великое расстояние, но займет не менее двух недель времени.

– А сходи. Токмо, держи на уме, у Кяхты бедуют разбойники, так, что один-то не езди, бери попутчиков с ружьями, да сам не пустой будь, – какой-никакой пугач-то возьми, – пытаясь всё же вымолить что-то у купца наставлением, посоветовал сосед, демонстрируя сердечность, жадно вылизывая высохшие после вчерашней, удачно подвернувшейся выпивки губы.

Баранов вздохнул, несколько обречённо глянул на соседа и качнул головой, выражая сожаление, а встав уже с лавки и направившись по делам, сунул соседу в ладонь медный пятак с вензелем Екатерины Великой. Тот, было уже, потеряв всякую надежду получить хоть что-то от купца, от неожиданного дара восторженно оживился, засуетился, и даже не поблагодарив Баранова, вскочил и кинулся по улице в ближайший трактир.

Выехали после крещенских морозов, собрав обоз в несколько санок, поутру и ходко пошли по льду Ангары меж крутых таёжных берегов в сторону Байкала. Нанятые Барановым ездовые на трёх санках гружёных товаром, справились и тянулись за его возком, снаряжённого для дальней дороги овчинной подстилкой, тёплым тулупом и раздвижным верхом. От ветра и снега можно было схорониться под тулупом: в его тепле, под мерное покачивание санок, засыпалось легко, как-то без сомнений и угрызений совести, что валяешься без дела. Так можно было проспать несколько часов кряду, просыпаясь только на кратких остановках и по нужде и потянувшись телом, весело глянуть на окрест раскинувшиеся просторы. «Вот интересно», – подумал Баранов, – «в дороге жизнь как-то течёт иначе. Всё же путь, смена позиции, добавляя новизны, радует сердце. В чём тут загвоздка?» И на секунду задумавшись, Александр Андреевич, не найдя ответа, снова завалился в дрёму.

В возке Баранов разместился с приказчиком Петром Савеловым, принятым на службу после увольнения из гарнизона по болезни, где служил при интенданте унтер-офицером. Тут же разметили и поклажу: помня наставления соседа, – припрятана не глубоко заряженная пара пистолетов и снедь для перекуса в дороге да массивная бутылка тёмного стекла с коньяком. Приказчик пристроил в багаж и свою армейскую саблю, под шутки Баранова, что собрался, видимо бывший унтер-офицер вспомнить молодость и рубить бандитов в капусту. «Ветеран», которому отроду ещё не стукнуло и тридцати пяти, чуток младше самого хозяина, отшутился тем, что вспомнил кадетство, и похвастал умением фехтовать и рубиться на саблях.

Дорога была ровной и наезженной, но к обеду вынуждены были сойти со льда на дорогу, что извивалась по берегу. Со слов местных мужиков, повстречавшихся на пути, сразу за деревней начинался обширный загор, и пористый лёд дыбился под натиском воды. Пришлось умерить пыл и двигаться с оглядкой по лесной дороге, на которой санки вязли, кони выбивались из сил, едва отклонившись от укатанной тверди наезженной дороги. Так едва, едва к ночи добрались до берега Байкала, – деревни Лиственничной, где и заночевали. Деревня лепилась на берегу Байкала у самого истока Ангары, прижатая к озеру высоченной крутой скалой.

С утра пораньше, миновав последние вёрсты, вышли на обширный, но не менее коварный лед сибирского моря: трещины и нерпичьи норы – пропарины, усложняли, делали опасным путь. Пару раз видели у торосов и нерп. Животные, чутко определяли расстояние до обьившейся опасности по звуку копыт о лёд: как только сближались санки с ними на опасную дистанцию, тут же ныряли в лунки, растворяясь среди заснеженного ледового поля, как будто их и не было.

Байкал радовал простором, гулял свободно ветерок. Воздух был прозрачен, лёд местами едва припорошен снегом, а вдаль виднелся противоположный берег, вздыбившийся величественными и заснеженными на фоне голубых небес горными отрогами. Дорога вела и звала вперед, изредка петляя: обходила торосы, порой вводила далеко в сторону, чтобы обогнуть гряды торчащих ледяных глыб и крупные трещины. Дальняя дорога манила, петляла, и катились санки легко, и казалось, так можно ехать долго-долго, позабыв и о цели поездки, и об

ожидающих решения проблемах, а только наслаждаться простором, промороженным воздухом и открывающейся перспективой: душа отдыхала, отпустив заботы.

– Давай пошл-а-а! – разносилось изредка от кучера, и в морозном воздухе едва уловимо струился конский дух, а на удары кованых копыт гулко утробно отзывался лёд озера. Кони шли бодро, ощущая открывшийся простор и твердь дороги, гулко ухали копытами об лёд, высекая белёдые на просвет ледяные осколки. Байкал ухал и вздыхал, и было страшно представить, какая глубина озёрной стылой воды под ними подпирает ледяную «столешницу», которая и являлась полотном дороги. «А вдруг, как ухнет? Как откроется провал?» – думалось порой и от этого становилось немного страшно.

Но привыкает человек и к опасности, и ко всему, что угодно, и летит вслед за мыслью своей бесстрашно, а свершив, порой немислимое многотрудное, приходит ему в минутку размышления в голову:

– «Как так он на всё решился, всё преодолел?»

И не найдя ответа, тем не менее гордится собой, а на вздохи близких и слова посторонних о безрассудстве только ухмыляется.

Баранов вспомнил свои родные края, также обильно заснеженные и промороженные в зимнюю стужу, вспомнил зимнюю дорогу по льду озера Лача в северном краю близ Каргополя и Белого моря. Казалось ранее, что обширнее нет водной аномалии, а теперь выходило в сравнении с Байкалом, что есть и более великие природные явления и стихии, значительные расстояния в которых жить привольно, и, казалось бы, – столько вольного места, а от чего-то тянуло всё далее и далее забраться в ещё более дальние пределы.

Байкал зачаровывал и был невероятен и летом в любую погоду, а зимой и вовсе поражал гладью льда, его необыкновенной прозрачностью и космической в глубину невероятностью. Вот что там, в этой стылой глыбе такого? А смотришь в неё и не оторваться, – очаровывает, завлекает! А простор вокруг необыкновенный, но не морской, когда края не видно, а от того возникает ограниченное непонимание масштаба, а такой вот размер, – освоенный взглядом, когда впереди в далекой дымке громоздится горная гряда, к которой лежит дорога, а позади строчкой, словно начертанной быстрой нервной рукой на бумаге, берег покинутый. А под тобой аномалия чистейшей воды в тыщу верст, укрытая кожицей хрупкого в белёсых пузырях и трещинах льда, прозрачность которого такова, что словно и нет никакой поверхностной тверди, а сразу стылый жидкий мир, населённый рыбьим народцем.

К вечеру добрались до почтовой станции Мысовой, на противном берегу озера, к самой подступающей к воде заснеженной тайге, где и заночевали на постоялом дворе у трактира, определив в тепло и лошадей.

Здесь в трактире тёрся народец: выпивал горькую, заедая капусткой, галдел с пьяну, стоял запах жареной и всякой иной рыбы. Подавали пельмени в наваристом бульоне, под который пошла отлично стылая водка. Баранова, после морозца и водки слегка развезло и уже в благодушном настрое он смотрел вокруг, не забывая упрятать кошель с деньгами поглубже. История эта известная: чуток раскис купец, тут же обнесут завсегдагаи, ведь тем они и промышляют. Обошлось, слава богу, без потерь и надыхавшись вольного ветра, уснули легко и спали глубоко.

Поутру раненько тронулись снова в путь уже по берегу Байкала, всё отдаляясь от него на юг. Густая тайга сменялась редколесьем и уже на подходе к Кяхте местность предстала переменной: лесные массивы сменялись степным пейзажем. За время пути ещё дважды заночевали на станциях с постоялыми дворами и, используя ясные денечки, по укатанному зимнику по легкому морозцу доскочили ходко до Кяхты за неполные три дня.

– Погода подсобила, – подвел итог пути ездовой Михей, довольный, что благополучно добежали до Кяхты, не замерзая в пурге, заметённые до макушки, не повстречав недобрых людей, да и кони все здоровы, подковы на месте, а конец пути близок.

Кяхта, – место, где сходятся российская глубинка с ярким и богатым востоком, со степями монгольскими, ветрами жгучими с едким колючим снежком, встретила путников звоном колоколов всех церквей, которых настроено было здесь достаточно.

– Полдень, однако, – отметил время прибытия Баранов.

– Чудят, купчины, – вдруг разговорился в ответ ездовой Михей, вспомнив предание о том, что с ума сходят от избытка денег местные купцы и кутят без удержки, жизнь прожигая, а очухавшись или «хватив Кондрата» – хворь или тем более свалившись с ног от болезни, начинают отмаливать грехи, отваливая миллионы на благоверные дела, на приюты, монастыри и постройку церквей.

– Оно так, – ибо познавший боль, отчаяние мудрее благополучного, – поддержал разговор Баранов, припомнив свою многолетнюю вражду с Мишкой Марковым, которая теперь казалось пустой погремушкой, а отразилась на его личной жизни так значительно, что оказался он на краю света. А ведь делили с детства первенство в околотке, бились в кровь, воевали за девицу, а повзрослев вдруг отметили, что мир так широк и глубок, что разойдясь в стороны, можно найти всё, что нужно душе и плоти, и ссориться, биться в кровь вовсе не требуется для этого.

Рынок в Кяхте обширен: тут тебе и ряды тюков с чаем и пряностями высотой в несколько метров, протянувшиеся на сто сажень, посуда яркая тонкого звонкого прозрачного на просвет китайского фарфора, ткани и шелка рулонами. Рядом с рынком толклись и лежали вольготно равнодушные ко всему верблюды, на чьих горбах все это добро прибыло из Китая. Порой пустынные враждовали меж собой, кусались и лягались, а успокоившись, вновь флегматично пожевывали солому и, оглядывая мир свысока с некоторым природным своим надменным выражением, в котором сквозило не прикрываемое презрение к окружающим. Погонщики верблюдов и грузчики, так похожие друг на дружку чёрными от солнца и снега лицами, в драных халатах, ношенных-переносимых расквашенных сапогах, потерявших давно вид, в косматых шапках, вида чудного, не российского, что-то вечно жующих и сплевывающих со вкусом на истоптанный снег. Здесь среди шумных рядов торговцев, в атмосфере делового столпотворения ощущались неведомые ранее запахи, мощное дыхание великой диковатой степи, её неведомое нам величие и природная скудость. Через говор странный, непонятный и даже отталкивающий, диковатые взгляды, вспышки гнева и чужие запахи, приходило понимание безграничности мира, и Баранов тут вновь ощутил, что ему интересно, его влечет дальше, – может на восток или юг. Влечение это от ожидаемой новизны впечатлений – хотя бы вот таких, как эти новые для него образы и виды, было столь велико, что он несколько оторопел. Не совсем понимая, отчего такое влечение в нём, Баранов слегка чертыхнулся, напомним себе о насущных делах и о том, что только совсем недавно проехал тыщи вёрст на восток и, вот тебе напасть, – опять куда-то его тянет-влечёт и хочется видеть далекие пределы. «А может чертушка подсуетился, лешак хлопчет и зовёт вдаль?» – мелькнула мысль, и Баранов усмехнулся себе, от чего-то вдруг уловив остро призыв заглянуть вновь за горизонт, чтобы воочию увидеть и разглядеть иную перспективу, другой уклад жизни. Тут же вспомнил Баранов и Шелихова, его призыв отправиться в Америку, и усмехнулся, представив чёрта в облике серьёзного иркутского купца в парике.

В Кяхте Баранов удачно оптом сдал товар, закупился тут же, не торгуясь, чаем и специями – перцем, приправами и отправил в Иркутск под охраной добытое добро. Такое вот дело практиковали купцы: оплачивали вскладчину обоз, с парой десятков возков, да отправляли под охраной до Иркутска, и было это надёжным делом, – доброй защитой от разбойников. Многие купцы и сами в своих возках пристраивались к обозу и без приключений добирались до родных дворов вместе с добытым товаром.

Баранов же, ощутив зовущий призыв несколько развлечёлся, чуток решился повременить, пройтись по домам, в которых принимали заезжих купцов, играли в карты, в редкостный ещё для России бильярд. В домах принимали, угощали напитками и, оказавшись среди

дам, обильно распространяющих ароматы духов и напудренных тел, Баранов позволил себе и флирт, и шумную беседу среди таких же, как и он приезжих купцов. Обсуждали шумно под выпивку политику и то, как далека Сибирь и как сложно здесь, при таком-то безлюдии, скудости рабочих рук, развивать дело, строить заводы, верфи и вести большую торговлю. Дамы от господ купцов не отходили: лепились, не давая проходу и каждый раз, оглядывая очередную раскрашенную и прикинутую к нему красотку, Баранов не мог вспомнить имени барышни. Называл так, как приходило на ум, а барышня не поправляла, откликнулась, и Баранов понял: они тут все в игре, в которой у каждого роль, а имена не важны. Девицы не смущаясь, угощались, веселились все без забот, несли свои дамские глупости в беседе, искали повода сблизиться за счёт мужчин с деньгами, вытягивая свою долю из подгулявших купцов. К утру проигравшихся купцов уводили на постоялый двор спать, остальные разбредались в обнимку с доступными барышнями уставшие, потные словно грузили всю ночь баржу зерном и отсыпались, заливаясь на все лады трелями и храпом до обеда.

Баранов избежал позора проигрыша, попробовав разок раскинуть карты, тут же уловил, что вокруг: и за столом, и за спиной у него и других игроков стоят шулеры с быстрыми снующими внимательными глазками, – бросил это дело и от того спасся.

После трех дней ночных мучений, разгула, несколько отдохнув душой от напряжения повседневности, Баранов дал указание Михею готовить санки, коней в поездку назад домой.

Как только снова тронулись в путь, преодолев Троицкосавск, потянулись вдоль дороги заснеженные равнины и холмы, перелески и убогие станции, где можно было поправить поклажу, перекусить взятыми с собой сальцем, колбасой, и несколько размявшись, ехать дальше, утопая в мягкой подстилке и тулупе.

Снежная равнина, с редкими в этих полу степных местах перелесками, покачивание санок, ленивое в полголоса покрякивание возницы, как обычно быстро убаюкивают путника. В глубине меховой шубы да под тулупом, тело размягчалось, и только лицо, открытое ветру через узкую щель накинутаго на голову ворота, улавливало стылый со жгучими снежинками воздух. Спрятав лица и отдавши всего себя неге забытья, путники задремали. Баранов после беспокойных вечеринок с дамами, наконец, забылся без сожаления и тревоги, отдавшись дорожной неге. Вдруг кони с плавного тягучего размеренного хода вдруг резко встали и шарахнулись в сторону. Санки, перед тем как встать, резко дернуло, и раздались грубые чужие голоса.

– Что за напасть, до станции ещё далече, – подумал спросонья Баранов.

Рядом зашевелился приказчик Савелов, крепко спавший после доброго обеда и нескольких чарок водки в дорогу.

Баранов глянул из-под дохи и увидел, что дорогу перегородили другие санки, запряженные тройкой лошадей. Рядом с возком стояли двое мужиков, а в возке сидел возница, который непрерывно по-петушину, выкатив глаза, крутил головой, явно волнуясь.

Баранов вылез из возка и потянул, подвернувшуюся под руку саблю Савелова: что-то подсказывало, что подобный аргумент в намечающемся разговоре может быть уместен.

Отметив, что ситуация складывается непростая, прямо скажем конфликтная, Баранов выкрикнул, не подходя близко к людям на дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.